

З. В. Бочкарева

Социальная демагогия и реальность: торгово-промышленная политика нацизма на Ставрополье в период фашистской оккупации

Центральным мотивом современных историков Великой Отечественной войны является стремление комплексного изучения проблем истории нашей страны в военные годы. В связи с этим вопросы, связанные с оккупационной политикой немецких нацистов в контексте народного сопротивления оккупантам, приобрели особую остроту. Изучение природы оккупационной политики нацистской Германии позволяет не только понять суть германского национал-социализма, но и причины его краха на территории нашего края.

Понятие «новый порядок» включает в себя наряду с массовым террором и физическим истреблением целых народов изощренную пропаганду и социальную демагогию. Задачей гитлеровской власти на оккупированных территориях было не только уничтожение населения, но и манипуляция массовым сознанием. Оккупационная политика нацистов представляется в этой связи одним из важнейших составных звеньев тотального подчинения третьему рейху всего мира.

Особенное место в планах нацистской Германии отводилось Северному Кавказу – богатым плодородным землям Дона, Кубани, Ставрополья. Оккупационный режим на Ставрополье сравнительно с Ростовской областью был недолгим: с августа 1942 г. по январь 1943 г. Вместе с тем, в проведении нацистами оккупационной политики в этом регионе было много общего, чем обусловлено использование в данной статье документальных источников не только из ставропольских, но и других архивов Северного Кавказа.

Специфика политики нацистов в крае просматривается в выступлениях фашистских руководителей в средствах массовой информации. Определяя главные экономические задачи на оккупированной территории СССР, Геринг в июне 1941 г. отмечал: «Использование подлежащих оккупации областей должно проводиться, в первую очередь, в области продовольственной и нефтяной отраслей хозяйства... Совершенно неуместна точка зрения, будто оккупированные области должны быть возможно скорее приведены в порядок, а экономика их – восстановлена. Напротив, отношение к отдельным частям страны должно быть дифференцированным» [1].

Потерпев фиаско в ряде западных регионов СССР, фашисты пытались на Северном Кавказе использовать его социальные особенности, используя политику кнута и пряника. С этой целью они провозгласили курс на восстановление промышленности. При городских управлениях создавались промышленные отделы, которые брали на учет все городские предприятия с целью организовать их работу. Оккупационная пресса развернула активную пропаганду, пытаясь убедить читателей, что обрабатывающая местная промышленность не прекращала работу. Так, одна из оккупационных газет сообщала, что в Ставрополе с сентября 1942 г. начали работу мясокомбинат, швейная, обувная, прядильная фабрики, кожевенный завод, хлебокомбинат – всего 36 предприятий [2]. В другом издании красочно описывалась прокладка труб для газопровода силами местного населения [3]. Правда, какими средствами привлекались к этой работе местные жители, умалчивалось. Оккупационная власть широко декларировала свои планы по организации экономики. На лето 1943 г. намечалось завершение строительства Невинномысского канала [4]. Любой факт о работе промышленных предприятий становился объектом пропаганды. Так сообщалось, что в Пятигорске действовало 40 предприятий пищевой промышленности, в том числе маслозаводы, мельницы, хлебопекарни, хлебокомбинат, пивоваренный завод, а также мотороремонтный завод, механическая прачечная, а в селе Петровском – нефтебаза, мельницы, маслозавод, электростанция, хлебопекарня, винный завод [5].

Следует отметить, что реальные усилия по восстановлению местной промышленности расходились с заявленными намерениями. Техническое оснащение предприятий производилось, главным образом, за счет местных ресурсов, и только отдельные виды оборудования завозились из Германии. Восстановлению подлежали, как правило, необходимые оккупантам для военных целей отрасли промышленности. Бросается в глаза жесткость контроля немецких властей над производством. На предприятиях в обязательном порядке велись журналы, в которых фиксировались все производственные процессы. Это позволяло оккупационным властям осуществлять строгий контроль над работой промышленного сектора [6].

Кроме того, государственные предприятия не могли рассчитывать на серьезную материальную поддержку для их восстановления. Они переводились на хозяйственный расчет, и важнейшей статьёй выживания становился принцип оказания предприятиями платных услуг. Например, ремонтно-строительная контора Управления Кисловодского курорта в связи с дефицитом бюджета предлагала всем руководителям предоставить бургомистру счета для возбуждения ходатайства перед немецким командованием об оплате расходов за использование помещений, материалов [7].

Политика обеспечения местной промышленности кадрами мало чем отличалась от других оккупированных регионов. Бургомистры издавали приказы о немедленной регистрации в городских управлениях инженеров, техников, мастеров, слесарей, механиков, врачей, фельдшеров, младшего медицинского персонала и лиц, владеющих немецким языком [8]. В ведении первого заместителя бургомистра находились биржи труда, которые должны были вести учет без-

работных и направлять их на работу. Всем зарегистрированным безработным выдавалась явочная карточка (мельдекарта), одновременно служившая и удостоверением личности. Каждый владелец карточки обязан был иметь ее при себе и представлять по месту работы. Заведующий предприятием делал в ней соответствующую отметку. По окончании порученной работы владелец карточки должен был немедленно сделать об этом заявление на биржу труда. Нарушение установленных требований строго каралось немцами [9].

Все мужчины и женщины от 15 до 65 лет подлежали регистрации на бирже труда и привлекались к различным работам. Трудоспособное население, не занятое на постоянной работе, ежедневно отмечалось на бирже труда. За неявку подвергали штрафу в 100 рублей. Если же в течение двух дней штраф не перечислялся, то провинившийся направлялся на принудительные работы на неделю. За уклонение от выполнения нарядов биржи труда применялась такая мера наказания, как принудительные работы с конфискацией инструментов. Так было в г. Пятигорске, когда 20 сапожников не вышли на работу [10].

Наряду с угрозами и жесткими наказаниями оккупационные власти пытались привлечь население системой материальных и социальных поощрений. При этом факты таких поощрений становились объектом широкой социальной демагогии, активно рекламировались. Так, одним из сюжетов газеты «Русская правда» стала информация о том, что за быстрое восстановление водопровода один из жителей был награжден премией в тысячу рублей [11]. Кроме того, при бирже труда находились инспекции по технике безопасности, санитарии, труду и заработной плате. Их реальная деятельность в архивах не прослеживается. В большинстве случаев мы имеем заявления о намерениях, а практика проведения тех или иных социальных мероприятий в промышленности весьма скупо представлена в оккупационной прессе, что снижает их репрезентативность.

На всей оккупированной территории Северного Кавказа в 1942 г. действовало Временное положение по вопросам труда, распространявшееся на все государственные и частные организации и хозяйства [12]. В соответствии с ним продолжительность рабочего дня, как для лиц физического, так и умственного труда, составляла 8 часов 30 минут, включая получасовой обеденный перерыв, а рабочая неделя – 48 часов. Для несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет, а также для лиц, занятых в тяжелых и вредных для здоровья отраслях, оговаривался сокращенный рабочий день – 6 часов 30 минут. Положение допускало сверхурочные работы только в исключительных случаях и не более двух часов в день. При этом оплата за работу производилась в полуторном размере. Воскресенье являлось днем отдыха. Если общеустановленный день отдыха не мог быть предоставлен, то выходной переносился на последующие дни недели. Работу в выходные и праздники предполагалось оплачивать в двойном размере. В то же время в аналогичном Положении, действовавшем на территории Краснодарского края, указывалось: «За сверхурочные часы, ночные работы, работы по воскресеньям и праздничным дням добавочная плата не выплачивается» [13]. Расхождение в этих документах свидетельствует о двойственной политике оккупационных властей.

Один раз в год, но не менее чем через пять с половиной месяцев непрерывной работы, полагался очередной отпуск продолжительностью в две недели. Ответственным работникам и рабочим на особо опасных и вредных предприятиях должен был предоставляться дополнительный отпуск до двух недель. Уходящим в отпуск предполагалась выплата вперед их среднего заработка. За рабочими и служащими, временно утратившими трудоспособность, место работы сохранялось до двух месяцев. Во время болезни в течение двух месяцев должно было выплачиваться пособие в размере 100% заработка. По истечении этого срока по решению врачебной комиссии либо продолжали лечение с выплатой 50% зарплаты в течение следующих трех месяцев, либо человек переводился на временную инвалидность [14].

Указанным Положением регламентировалась оплата труда и служащих, которая, как декларировалось его составителями, приближалась к европейским стандартам. По этим тарифам, к примеру, токари и слесари 7–8 разряда за 8 часов зарабатывали 20 руб., сапожники и портные – 16 руб. Труд подростков оценивался ниже, чем труд взрослых. Например, один час необученных рабочих и подручных старше 18 лет стоил 1 руб., а моложе 16 лет – 50 копеек. Труд женщин оплачивался ниже, чем мужской. Необученные женщины (уборщицы) старше 18 лет за час должны были получать 80 коп., от 16 до 18 лет – 60 коп., моложе 16 лет – 50 коп. [15]. Специалисты, выработавшие больше установленной нормы, могли по этому Положению рассчитывать на дополнительную плату, которая не могла превышать 50% основного заработка. Оплата труда служащих и переводчиков производилась по группам «А», «Б», «С», «Д», «Е» в зависимости от квалификации и образования и составляла от 900 до 300 руб.

За хорошую работу устанавливалась добавочная оплата до 10% от ставки, а за чрезвычайно хорошую – до 25%. При снижении производительности труда соответственно понижалась и зарплата. Выше этих норм платить запрещалось.

Расчет производился в конце месяца, если же он выпадал на воскресенье, то на следующий день выплачивалось 90% полумесячной зарплаты, а окончательный расчет за месяц производился первого или второго числа следующего месяца с учетом доплат или вычетов. Из зарплаты высчитывались только налоги, делать другие вычеты запрещалось. При несчастных случаях со смертельным исходом семье назначалась пенсия или временное пособие. В то же время администрация могла уволить рабочего в любое время [16]. Продовольствие отпускалось рабочим по штату: из жалования удерживалось за дневное питание – 6 руб., за завтрак и ужин – по 1,5 руб. [17]. Как на практике действовало это Положение, установить не удалось. Некоторые архивные источники свидетельствуют, что практика оккупационного режима существенно отличалась от официальных документов. Можно с уверенностью говорить, что приведенное выше Положение было, прежде всего, важным пропагандистским документом, призванным привлечь население на предприятия.

Для большинства советских людей с их российской ментальностью неприятие оккупантов оказалось сильнее их социальных обещаний. Они шли на работу либо под угрозой расстрела, либо для спасения семьи от голодной

смерти. Их не привлекал «новый порядок» со всеми предусмотренными социальными мерами, так как это был порядок захватчиков. Кроме того, в годы советской власти сформировалась идейная приверженность к социалистическим ценностям среди определенной части населения, особенно молодого поколения. Со стороны привлеченного оккупантами населения наблюдались массовые нарушения трудовой дисциплины: опоздания, прогулы, уклонение от работы, отказ выполнять порученную работу. И это несмотря на то, что при опоздании на работу без уважительной причины на 10 минут работник терял заработок за 1 час, при опоздании более чем на 10 минут – заработок за весь день. Кроме того, за опоздания надо было отработать полный рабочий день в очередное воскресенье. За укрывательство от работы, прогулы по неуважительной причине и за отказ выполнять порученную работу увольняли и направляли на принудительные работы [18]. В ряде случаев немцы не ограничивались этим наказанием. За саботаж и порчу имущества они беспощадно казнили. Так было в Таганроге, где над рабочими-саботажниками была устроена публичная казнь [19].

При изучении политики нацистских властей во время оккупации северокавказского региона обращает на себя внимание их восприятие этой земли как части рейха. Фашисты искренне намеревались основательно укрепиться на завоеванной территории. Реальность жестоко отомстила нацистам, отмерив им лишь полгода, за которые ни программы, ни практика их управления не успели серьезно проявиться. Красная Армия разрушила планы нацистов, стремительным ударом выбила их с территории Ставропольского края при активном содействии местного населения.

Рассчитывая на вечное господство в регионе, немецкая администрация особое внимание уделяла формированию новых рабочих кадров. Так, на предприятиях была организована система ученичества. Отдел труда пытался набирать подростков-учеников в возрасте от 14 до 18 лет и распределять их на государственные и частные предприятия. Продолжительность рабочего дня учеников от 14 до 16 лет составляла 4 часа, от 16 до 18 лет – 6 часов без учета получасового перерыва. Продолжительность обучения устанавливалась от 6 до 12 месяцев, в зависимости от специальности. Труд учеников-подростков оплачивался из расчета месячной ставки от 100 до 200 руб. [20]. В основе этой системы, безусловно, лежала нехватка рабочих рук.

Испытывая большую потребность в рабочей силе, фашисты прибегали также к использованию труда военнопленных на строительстве и на промышленных предприятиях. В связи с этим были разработаны особые правила, предусматривавшие проведение мероприятий по восстановлению работоспособности военнопленных, которые были до крайности истощены и непригодны для нормальной физической работы. Указанные правила предусматривали различные средства улучшения физического состояния военнопленных как залога работоспособности. По мере улучшения физического состояния их переводили с более легких на более тяжелые работы [21]. Оккупантами были разработаны специальные нормы выдачи продуктов для военнопленных. Все военнопленные делились на 5 снабженческих групп,

которым полагалась недельная норма хлеба 2600 г, мяса – 250 г, жиров – 130 г, картофеля – 7000 г, крупы – 150 г, чаезаменителя – 14 г [22].

Необходимо отметить, что военнопленные были наиболее многочисленными работниками в промышленности оккупационных властей. Это является косвенным свидетельством низкой эффективности фашистской пропаганды и реальной занятости в промышленности того периода местных жителей. Люди крайне неохотно и редко, особенно в городах, шли на работу к немцам. Источником рабочей силы для фашистов были узники многочисленных лагерей военнопленных на Ставрополье. Лагерь располагался в Ставрополе и Изобильненском районе. По два таких лагеря было в Пятигорске, Минеральных Водах, Георгиевске. Кроме того, в Буденновске располагался специализированный лагерь для подозрительных лиц, задержанных в районах, прилежавших к Моздокскому фронту [23].

Говоря о политике немецких оккупантов в отношении промышленности края, необходимо отметить, что новые господа старались играть на частнособственнических инстинктах, поощряя мелких хозяев кустарного производства. Только в Петровском районе действовало 215 кустарных мастерских, в которых работало более 500 человек. Они выпускали белила, охру, колеса, валенки, шорные изделия и т. д. [24]. В Пятигорске, по данным финансового отдела городского управления, 979 человек, а по данным Пятигорской полиции – 1403 содержали частные промысловые предприятия по ремонту обуви на дому, торговле пирожками, шитью одежды и т. д. [25]. В Изобильненском районе насчитывалось 127 кустарей – это были сапожники, слесари, фотографы, жестянщики, портные и т. д.

В отношении владельцев и работников этих предприятий проводилась поощрительная экономическая и социальная политика. Однако эта отрасль находилась под жестким контролем оккупантов. Все кустари, ремесленники, частные предприниматели должны были брать патент в районной или городской управе и платить налог. В целях пресечения возможности коммунистам и нелояльным режиму лицам заниматься торговлей и промыслами устанавливались следующие правила получения патентов: «Лица, желающие заниматься торговлей или личным промыслом, если они не организуют товарищество, подают на имя бургомистра городского управления через начальника финансового отдела соответствующие заявления с приложением анкеты и биографии. После проверки анкеты информационным отделом городского управления и управлением милиции бургомистр дает разрешение на получение патента в ГОРФО» [26]. Те, кто уклонялся от уплаты налогов, подвергались штрафам [27]. К 8 декабря в Минеральных Водах было зарегистрировано 425 патентов [28].

На Ставрополье действовали также частные предприятия, которые обслуживали как немцев, так и русских. При этом предпочтение отдавалось немцам, т. к. они платили деньгами, хлебом, маслом, салом и т. д. Немногие владельцы частных предприятий были коллаборационистами, лояльно относившимися к фашистам. Среди них скрытые противники советской власти, с радостью встретившие оккупантов, а также люди, стремившиеся к наживе любым путем. Их предприятия производили необходимые товары для вер-

махта и для местного населения. Владельцы таких предприятий были довольны своим положением, старались показать немцам свое уважение: вывешивали национал-социалистические лозунги и плакаты, портреты Гитлера, дружелюбно высказывались о немцах [29].

Поддержка частной инициативы касалась не только промышленности, но и сферы обслуживания. На оккупированной территории действовали частные кафе, магазины, столовые. Надо отметить, что продажа таких предприятий не допускалась. Поэтому предприниматель, не желавший дальше вести дело, вынужден был закрывать свое заведение. Исключение делалось только для предприятий системы питания и базарных ларьков, которые разрешалось открывать на основании: справки полиции о политической благонадежности, удостоверения о профессиональной пригодности и разрешения биржи труда [30]. В то же время анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что среди частных предприятий поощрялось создание производственных объединений, которые пользовались большими льготами, чем торговые.

При громадной нехватке рабочих рук в промышленности региона оккупационный режим пристальное внимание уделял вопросу использования безработных. По данным биржи труда, только в Ставрополе находилось 17 тыс. безработных, труд которых необходимо было организовывать. С этой целью в некоторых городах Северного Кавказа при бирже труда создавались артели безработных – так называемые добровольные объединения (постоянные или временные). Артель предоставляла своим членам работу и должна была способствовать улучшению их быта. Она имела свой Устав, определявший следующие права: а) приобретение в собственность недвижимого имущества и наем необходимых помещений; б) устройство мастерских, прием заказов от отдельных лиц и учреждений, причем условия заказа определялись соглашением старосты с заказчиком.

В случае невыполнения работ, а также нанесения заказчику материального ущерба, артель отвечала круговой порукой. При этом ущерб подлежал возмещению артельным имуществом, а также за счет вычетов, которые не должны были превышать 50% месячного заработка работников. Артель подчинялась действовавшим правилам по охране труда и соблюдению технических мер предосторожности при работах. Все споры членов артели между собой, а равно между ними и старостой решались общим собранием.

Предусматривалась артельная финансовая база, которую должен был составлять основной капитал. Он формировался из отчислений распределяемого накопления в размере 35% от чистой прибыли артели и имущества, полученного артелью от государственной промышленности и других организаций, и иных поступлений. Основной капитал предназначался для приобретения имущества, оборудования, ремонта и реконструкции, финансирования производства, а также обеспечения снабженческо-сбытовой деятельности артели. Артель должна была отчислять отделу труда 30% от полученной прибыли. Предусматривалось, чтобы артели самостоятельно распоряжались собственными средствами, пользовались в банке кредитом и открывали текущие счета.

Управляли делами артели общее собрание, выборный староста и ревизор. Заведование делами артели возлагалось на старосту, круг обязаннос-

тей которого был достаточно широким. Он отвечал за прием заказов и заключение условий с заказчиками с участием мастера, покупку материала и орудий производства, приобретение имущества от имени артели и наем необходимого помещения. Система продаж, канцелярия, хранение денежных сумм, наказания, отчетность – все это было в ведении старосты.

Высшим органом артели было общее собрание, которое созывалось старостой по мере надобности, но не менее одного раза в 3 месяца. Собрание считалось правомочным, если на нем присутствовала половина работающих, а по более важным делам (прием, исключение) – не менее 2/3 членов. Число членов артели определялось общим собранием и не могло быть меньше 5 человек. В состав артели могли входить и мужчины, и женщины не моложе 16 лет и не судимые. Члены артели, не достигшие 21 года, не имели права избирать и быть избранными в органы управления артели [31].

Комментируя уставные документы артелей, следует также подчеркнуть, что в архивных материалах почти не отражена практическая деятельность таких артелей. Публикации же в прессе носили скорее пропагандистский характер, чем беспристрастную информацию. Как утверждала оккупационная пресса, в промышленности часто использовался труд престарелых и инвалидов, которые объединялись в трудовые артели и открывали разного рода мастерские: слесарно-механические, пошивочные, ремонтно-сапожные и т. д. [32].

Промышленная политика фашистов была тесно связана с попыткой наладить в крае систему торговли. При местных оккупационных властях действовали торгово-продовольственные отделы, которые ставили своей задачей развитие частной торговли и торговой сети городов, регулирование цен. Кроме того, они занимались упорядочением торговли на рынках, выработкой преискурантов на выполняемые предприятиями виды работ по обслуживанию населения. Важнейшей их функцией был контроль над торговлей на оккупированной территории. В сферу действия торгово-продовольственных отделов также входил контроль над распределением продуктов питания, за работой пищевой промышленности. Следует выделить также такое направление их работы, как оказание помощи в снабжении людей, репрессированных при советской власти. По мнению властей, это должно было расположить местных жителей к «новому порядку». Особые надежды оккупанты возлагали на казачество, обиженное Советами.

Изложенным выше задачам соответствовала и структура торгово-продовольственных отделов, состоявших из управления (11 человек) во главе с начальником; торгово-распределительного подотдела (6 человек); карточного бюро (4 человека); подотдела помощи (5 человек); отдела общественного питания и отдела управления рынками. Весь штат торгово-продовольственных отделов состоял из 36 человек [33].

Важнейшей стороной руководства промышленностью оккупационная власть считала политику цен. Для установления цен на промышленные товары предприятия должны были представлять в конъюнктурный комитет техническое описание изделия и рецептуру, образец изделия и соответствующую сметно-финансовую документацию. Конъюнктурный комитет устанавливал цены на изделия и представлял постановления городской коллегии. Реализация изделий по

ценам, не прошедшим утверждение конъюнктурного комитета, каралась штрафом 5 тыс. рублей, а в случае повторения снимали с работы или лишали права аренды [34]. Все комиссионные магазины были переданы частным владельцам. Их работа проверялась инспектором городского контроля [35].

Попытка создания единой промышленно-торговой системы сопровождалась установлением единой финансовой политики. Все торговые, промышленные и сельскохозяйственные предприятия обязаны были иметь открытый текущий счет в банке и сдавать ежедневную выручку. Тех, кто нарушал это требование, подвергали штрафу [36]. Такой подход соответствовал главной цели фашистов – обеспечить ритмичные поставки промышленного сырья в Германию.

Однако, как уже отмечалось, основные направления торгово-промышленной и социальной политики гитлеровцев на Ставрополье остались декларациями, не проверенными временем. Задержаться фашистам на Северном Кавказе не удалось. Отступая, они уничтожали все, что пытались восстановить. В частности, на Ставрополье были выведены из строя шахты местной угольной промышленности, заводы, колхозный инвентарь.

Таким образом, анализ приведенных данных позволяет утверждать, что немецкая администрация попыталась осуществить ряд мер по организации работы промышленных и торговых предприятий, преследуя при этом, в первую очередь, цель использовать природные богатства и ресурсы для оказания помощи фронту, для решения сырьевых проблем Германии.

Примечания

1. Преступные цели – преступные средства. Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М.: Экономика, 1985.
2. Ставропольское слово. – 1942. – 9 октября; ГАСК. Ф. Р – 1059. Оп. 2. Д. 14. Л. 56–59. Док. № 74, 77.
3. Утро Кавказа. – 1943. – 3 января.
4. Там же.
5. ГАСК. Ф. Р – 2591. Оп. 1. Д. 29. Л. 4, 14, 15; Ставропольское слово. – 1942. – 16 октября. Док. № 59, 66, 67, 70, 73, 81.
6. Makarski. Die Deutsche Militärverwaltung in Donbas. (Donez-Besken); Koblenz. Das Bundesarchiv und Seine Bestände. В. I/201697.
7. ГАСК. Ф. Р – 2143. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.
8. Русская правда. – 1942. – 7 августа; ГАСК. Ф. Р – 2595. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.
9. ГАНК. Ф. Р – 514. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–48.
10. Утро Кавказа. – 1943. – 17 января; Пятигорское эхо. – 1942. – 11, 14 октября.
11. Русская правда. – 1942. – 15 августа.
12. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.
13. ГАНК. Ф. Р – 489. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–27; Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.
14. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–4; Ф. 513. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.
15. Там же. Д. 2. Л. 20, 32.
16. ГАНК. Ф. Р – 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 26–27.

17. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.
18. ГАНК. Ф. Р – 487. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
19. Таганрогская правда. – 1943. – 4 сентября.
20. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. – 513. Оп. 1. Д. 148. Л. 10.
21. ГАСК. Ф. Р – 1059. Оп. 1. Д. 3. Л. 33; Таганрогский филиал ГАРО. Ф. – 513. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.
22. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–2 об.
23. ГАСК. Ф. Р – 1852. Оп. 12. Д. 33. Л. 141; Ф. Р – 2591. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.
24. ГАНК. Ф. Р – 897. Оп. 1. Д. 2. Л. 82–84.
25. Утро Кавказа. – 1942. – 15 января; Пятигорское эхо. – 1942. – 20 октября.
26. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 8. Л. 44.
27. ГАСК. Ф. Р – 2591. Оп. 1. Д. 45. Л. 109.
28. ГАСК. Ф. Р – 2591. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–8.
29. ГАСК. Ф. Р – 2143. Оп. 1. Д. 5. Л. 99.
30. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 514. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.
31. Там же. Д. 2. Л. 22–23.
32. Ставропольское слово. – 1942. – 2 октября.
33. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 151. Л. 30–34.
34. ГАНК. Ф. Р – 416. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
35. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 151. Л. 111.
36. ГАНК. Ф. Р – 434. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

